

«Не забывайте меня...»
Иванов Илларион Семенович
1923 – 1943
Младший сержант

СНАЧАЛА я увидела цветы. Веселые голубые васильки, нарисованные химическим карандашом, и... коричневые маки. Не оказалось, видно, у солдата под рукой других карандашей. Ниже большими буквами старательно выведено: «Письмо мая 30-го дня 1943 года». На обратной стороне длинного листа бумаги, напоминающей пергамент, тот же незатейливый орнамент из цветов, перевитых зелеными веточками, и жирная надпись наискосок: «Смерть немецким оккупантам!».

Не торопился, видно, никуда в этот день, 30 мая, младший сержант Иванов. Потому и рисовал в письме матери полевые цветы. А может и писал где-то под открытым небом, на лесной опушке. И качались перед ним ромашки, напоминая о далекой милой родине, Бичуре. Или виделись ему буйные кусты цветущей по весне черемухи. Кто знает. Но душой солдат—по письму видно — был дома, рядом со своей мамой Анной Кузьминичной.

Двух сыновей проводила она на войну. Сначала старшего, Изота, потом принесли повестку младшему, Иллариону. В архиве Бичурского райвоенкомата в «Книге учета призванных в ряды Красной Армии в 1941-45 годах» Иванов Илларион Семенович значится под номером 1124. Промозглым ноябрьским утром провожали на фронт призывников рождения 1923 года. Никто не мог тогда предвидеть горчайшей статистики войны: из каждых 100 ушедших на фронт солдат 1923 года рождения в живых останутся только трое.

Дорога на Улан-Удэ, куда направлялись подводы с новобранцами, шла полями, мимо молочно - товарной фермы. Падал мокрый, тяжелый снег. Вспомнил Илларион, как на этой ферме весной помогал он дояркам поднять на телегу отощавшую корову. Увезли ее на покос, к траве поближе, сняли с телеги, на ноги поставили, а она с ног валится. Здесь, в третьей бригаде колхоза «Красное знамя труда», работал Илларион Иванов. Делал, что придется. Больше на конях — худых выбракованных «одрах». Добрых лошадей отдали фронту. Пахал, боронил, летом на сенокосе с утра до ночи. Хорошо знал, как болят истерзанные косой руки. Мипай Анисимович, бригадир, с болью смотрел на свою малосильную бригаду. Подростки, а пришлось бросить школу и подставить свои, худенькие плечи под оборону.

Солдат постарался отвлечься от нахлынувших мирных воспоминаний и

вывел первые строки письма: «Здравствуйте, премногоуважаемая дорогая родимая мамочка! Шлю тебе свой нижайший пламенный сыновний привет. Желаю всего хорошего и доброго здоровья». В каждое слово сыну хотелось вложить всю свою любовь и нежность. Только где найти эти слова? Он вдруг представил, как мать с замиранием сердца встречает за воротами почтальоншу, Ксюшу Зацепину, как потом, сидя на лавке за столом и подперев ладонью щеку, будет слушать письмо от сына. Письмо прочитает ей невестка Домна. Мать неграмотная, а Домна не зря на ликпункт ходила, читать умела. Она и письма на фронт писала. *«Шлю привет дорогой невестке Домне Афанасьевне. И пожелаю ей всего хорошего и доброго здоровья. В первых строках моего письма сообщаю, что живу пока ничего».* Посидел, подумал. Еще сильнее защемило сердце. И дописал: *«Мало-мало живу. Но пока живой и здоровый. Тем плохо, что не получал я от тебя, мамочка, письма уже четыре месяца. И не знаю, как ты живешь, как проводишь время... Напиши, сколько насадили огородины. Пропишите все подробно».* Последнее письмо из дома Илларион получил еще зимой, в феврале, а потом — наступление.

43-й год! За стремительно наступающими частями порой не успевала не только почта, но даже полевая кухня. А, может, почта и не виновата, может заболела мать. Возраст не молодой. Когда сына забрали в армию, матери было 54 года. А Домна, жалея его, не пишет об этом. *«Еще я прошу тебя, мама, береги здоровье. Лечись, как можно. И не скупись, купи себе ичиги»...* У матери болели ноги, и по крутым ступенькам шаткого крылечка она поднималась, держась за стену.

В молодости Анна Кузьминична была высокая, сильная, красивая. И главное, веселая. Песня всегда была рядом с ней. И народ в доме всегда. Даже когда началась война, вечерами после тяжелого крестьянского труда собирались в их доме девчата и парни. Общая беда роднила людей. При свете потрескивающей семилинейной лампы, подвешенной на стене, а то и при свете горящего очага вязали, пряли, шили. Замолкали, когда из черной тарелки репродуктора доносилось: «От Советского Информбюро...». Читали письма отцов, знакомых парией с Большой улицы. И плакали. И пели. Как они пели!

«Дорогая, родимая мама. Очень я об тебе соскучился. Кабы ты знала это. И Когда будет то время, когда мы будем все дома сидеть за столом? Часто я вспоминаю все».

Было время — большое застолье собиралось в избе Иванова Семена. А потом, перед войной, умер отец. Оба сына на фронте. Не пожилось малым детям Изота и Домны: один за другим умерли четверо. Остались в опустевшем доме свекровь и невестка. Им еще предстоит пережить многое. 37 лет проживут они вместе. Но не будет им тесно в маленьком доме. Ни та и

ни другая ни разу не выйдут на улицу, на лавочку, чтоб поплакаться да пожаловаться соседкам друг на друга. Беды сблизили их, а доброта с годами не иссякла.

«И когда же мы будем все дома сидеть за столом?». Боец посмотрел на тупоносое орудие, стоящее неподалеку и решительно дописал: *«А тогда только мы будем дома, когда разгромим немецких мерзавцев. Скоро будет им пропасть»*. Что проплывало в эту минуту перед глазами бойца? Разрушенные города, которые он, 19-летний младший сержант, освобождал с боями? Или изувеченные снарядами деревни? Обезображенная взрывами земля? Скорбное прощание с товарищами по оружию? Мы не знаем этого, и уже никогда не узнаем. Но он-то знал, что каждый новый день может стать для него последним. Потому и вырвались из его сердца пронзительно-щемящие слова:

«Дорогая моя мамочка, не забывайте меня. Пишите чаще письма. Мне легче будет. Буду живой, приеду домой и тогда все горе забудем навсегда. Но я тебя, мамонька, никогда не забуду. Никогда не забуду, как ты меня растила и жалела».

«Они оба друг друга жалели, — скажут об этой семье давние соседи Ивановых Полина Михайловна Иванова и Катерина Гавриловна Иванова. — Он ее ни разу «мамой» не назвал. Все «мамочка» да «мамонька». Редко кто в деревне так мать величает. Золотой был парнишка, уважительный и характером мягкий. Парень уж был, а все от матери не отходил. Она в огород — и он с ней. Она на улицу, на лавочку выйдет посидеть, глядишь — и он рядом. Колоски вместе собирали. Анна платишко с головы снимет, расстелет на земле, на коленки станут, вышелушат руками колоски и в тряпичную сумочку. Тем и кормились. Дров не было. Анна с Ларей на Хилок по пни ездили. Ларя пни топором сбивает, она к телеге подтаскивает. В бедности жили, как многие в, те годы. Обуток не было. Бывало, где грязь, через канаву или через речку надо перейти, дак обутки в зубах тащишь. Это теперь избу моем обувшись. Соли и той не было. А чуть земля оттает по весне, идешь картошку мерзлую копать. Может где с осени в земле осталась. Промоешь, смелешь мерзлую эту картошку, какой-никакой кисель получится. От повилицы жестоко маялись животами.

А Ларю мы хорошо помним. Беленький, бравенькин был. А уж писал, рисовал как! Соберемся, бывало, у них вечером, а он на печке карандашом или углем нарисует кого — ну вылитый! Похожий на себя. А если с балалайкой или с прялкой кто, он и это пририсует. У них вся семья хорошая была. С соседями, сколько лет одной баней обходились. И за огородом друг за дружку глядели, где полить надо, где выполоть. Потому для них все соседи хорошие были. Ты почитай-ка нам еще, кому он в письме приветы шлет.

Читаю: *«Передай привет свату и сватье Марье и всему ихнему семейству. Передайте привет моим теткам и дядям, всем моим дорогим соседям, тетке Прасковье, тетке Катерине и Пелагее. Привет бригадиру Минаю, его жене Пелагее и их к алым деткам. Бабушке Хамидулихе, Степаниде и Галине — всем по низкому и дорогому поклону».*

Катерина Гавриловна снимает со стены деревянную застекленную рамку (теперь такие рамки редко в каком доме увидишь. Не модно...) и показывает довоенную фотографию — четверо молодых рослых парней в косоворотках, Подвязанных ткаными поясами. «Вот они, Ларины друзья-товарищи. Вместе гуляли, вместе на фронт ушли. С краю Иванов Кирсан Гаврилович, мой брат. Погибший на фронте. Это Хамидулов Галей. Его тоже убили на войне. С гармошкой Перелыгин Трифон Михайлович, а с балалайкой Федотов Полуэкт. Вот как, война косила. А матери до смертного часа ждали их. Разве ж таких соколиков забудешь! Анна придет, бывало к соседу, видит газету и просит: «Ты почитай получше. Может тут, что про моего Ларю прописано».

Я слушала старых женщин, у одной из которых погиб на фронте муж и она по памяти пересказывала мне слово в слово его последнее письмо из госпиталя, из Самарканда; у другой — нескольких человек недосчиталась семья после войны, и в памяти моей всплывали слова из «Реквиема» Рождественского, плач матери:

Ой, зачем ты, солнце красное,
все уходишь — не прощаешься?
Ой, зачем с война безрадостной,
сын, не возвращаешься?
Из беды тебя я выручу,
прилечу орлицей быстрою...
Отзовись,
моя кровиночка!
Маленький.
Не могу найти дороженьки,
чтоб заплакать над могилою...
Не хочу я ничегошеньки,
только сына милого.
За лесами мои ластынька!
За горами — за громадами...
Если выплаканы глазоньки —
Сердцем плачут матери.

Окончилась война. Отгремели победные салюты, но не окончилась она

для солдатской матери. Уже дома добила война старшего сына Анны Кузьминичны. Всего несколько лет прожил после Победы Изот Семенович Иванов, оставив двух малолетних сыновей. Старшему, Ване, было три года, а Грише — полгода. Дети послевоенного времени, они не помнят своего отца-фронтовика. Перестали приходить письма от Иллариона. Письмо, о котором я рассказываю, было, последним, пришедшем по адресу: Бичура, улица Сталина, 180. Уже шел к концу сорок третий год. Сорок четвертый. Сорок пятый. Страна, еще не остывшая от войны, готовилась отметить первую годовщину победы над фашистской Германией. В те весенние дни, 3 мая 1946 года, и получила семья Ивановых тяжелую весть об Илларионе Семеновиче.

Листаю «Журнал учета безвозвратных потерь по Бичурскому райвоенкомату», большую скорбную книгу. В письме от 10 апреля 1946 года Управление по учету погибшего и пропавшего без вести рядового и сержантского состава просит Бичурский райвоенкомат «известить гражданку Иванову Анну Кузьминичну, проживающую в селе Бичура Бурят-Монгольской АССР, что военнослужащий Иванов Илларион Семенович, рождения 1923 года, в бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив геройство и мужество, был ранен, и умер от ран 30 октября 1943 года».

15 ноября 1942 года — 30 октября 1943 года. Две даты как два верстовых столба. Начало и конец фронтового пути Иллариона Семеновича Иванова. Всего-то один год. Нет. Целый военный год. 349 дней. И каждый из этих дней он смотрел в лицо смерти. И каждый день ходил по тончайшей грани между жизнью и смертью. Много ли он успел, девятнадцатилетний младший сержант Иванов И.С.? Он успел главное—прикрыть собою Родину.

А солдатская мать Анна Кузьминична Иванова пережила своего сына ровно на 30 лет. В новогоднюю ночь 1973 года она лежала высоко на подушках и неотрывно смотрела на стену, откуда с портрета светило ей родное безусое - мальчишеское лицо. Из далекого далека, донесся до нее голос сына:

«Дорогая моя мамонька, не забывайте меня».